

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Сандре Браун, Джуд Деверо, Джули Гарвуд,
Джудит Макнот и Аманде Куик, писательницам,
которые заставили меня захотеть стать
автором любовных романов, когда мне было
двенадцать. На это ушло тридцать лет,
но я наконец-то смогла!

Пролог

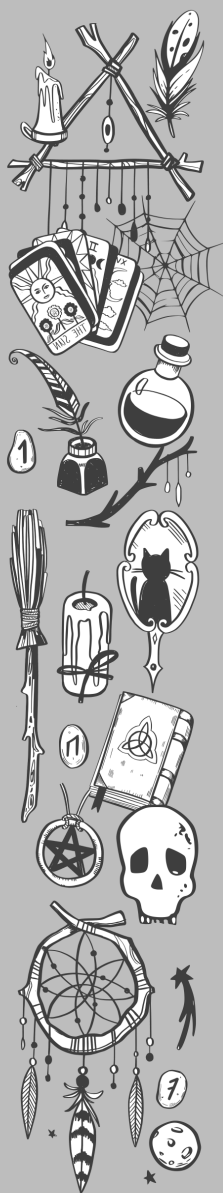
Никогда не мешайте водку и колдовство.

Виви знала об этом правиле. И не только потому, что тетушка Элейн тысячу раз говорила об этом, — оно было напечатано на кухонных полотенцах и футболках, а также — иронично! — на рюмках в «Грешном деле», магазинчике, которым тетушка Элейн заведовала и который находился в центре Грейвс-Глен, штат Джорджия.

Эти слова более всего соответствовали тому, что у семьи Джонсов сошло бы за девиз.

Но, рассуждала Виви, погружаясь глубже в ванну и делая очередной глоток водки с клюквенным отваром, который приготовила ей кузина Гвин, для разбитых сердец должны быть исключения.

А в настоящее время она чувствовала себя совершенно разбитой. Может, даже вдребезги. Крохотные осколки сердца так и колотились в грудную

клетку, а все потому, что ее затянули два ярко-голубых омота глаз и очаровательный акцент.

Шмыгнув носом, она снова щелкнула пальцами. Воздух наполнил аромат одеколона Риса, с цитрусово-пряными нотками, неуловимыми, но тем не менее достаточно запоминающимися, чтобы вызвать их магией.

Даже сейчас, в ванне на когтистых лапах, принадлежавшей Гвин, она помнила, как от этого запаха у нее закружилась голова, когда она уткнулась лицом ему в грудь, какой теплой была его кожа.

— Виви, только не начинай снова! — крикнула Гвин из спальни. — У меня от этого голова болит!

Виви глубже скользнула в ванну, так что вода выплеснулась через края, чуть не погасив одну из свечей, стоявших на бортике.

Еще один урок тетушки Элейн: свечи и ванна — лучшее лекарство от всех напастей. Но даже наполнив ванну розмарином и пригоршнями розовой соли, даже использовав почти все свечи из тех, что были у Гвин, Виви не почувствовала себя лучше.

А вот водка помогла, и, наклонившись, она сделала еще один глоток через соломинку кричащего ярко-фиолетового цвета.

— Дай мне пожить! — крикнула она в ответ, осушив стакан. В этот момент Гвин просунула голову в дверь ванной, ее розовые волосы рассыпались по плечам.

— Милая, я тебя обожаю, но ты встречалась с этим парнем три месяца.

— Мы расстались только девять часов назад, — сказала Виви, не добавив, что на самом деле прошло девять часов и тридцать шесть, почти тридцать семь, минут. — У меня осталось по крайней мере еще пятнадцать часов на то, чтобы перестать. Это есть в книге правил.

Гвин округлила глаза.

— Вот почему я тебя предупреждала: не встречайся с юными колдунами, — заявила она. — Особенно с юными колдунами из Пенхоллоу. Эти мудаки, возможно, и основали наш город, но они все еще гребаные колдуны.

— Гребаные колдуны, — согласилась Виви, печально глядя на опустевший стакан, когда Гвин скрылась в спальне.

Виви, в отличие от Гвин, только начинала знакомиться с ведовством. В то время как двоюродная сестра росла в семье тети Элейн, успешной практикующей ведьмы, родная мама Виви, сестра Элейн, держала свое колдовство в секрете. Только после смерти матери и переезда к Элейн и Гвин Виви начала раскрывать эту сторону своей личности.

Она ничего не знала о юных колдунах и о том, что встреча с одним из них на Празднике Солнцестояния теплой летней ночью может обернуться как лучшим, так и худшим событием в жизни.

Подняв руку, Виви пошевелила пальцами, и через мгновение над водой возникло туманное, колеблющееся изображение.

Это было красивое, обрамленное темными волосами лицо с изящными чертами, блестящими глазами и распутной улыбкой.

Виви нахмурилась, разглядывая его, потом взмахом руки, от которого из ванной выплеснулась маленькая волна, испарила лицо в снопе искр.

Было бы неплохо таким же образом испарить и воспоминания о нем, но даже в своем печальном, насыщенном алкогольными парами состоянии Виви знала, что лучше не связываться с магией такого рода. И пара маленьких осколков ее разбитого сердца не хотели забывать последние три месяца, желали сохранить память о той самой ночи, когда они встретились, о том, как му-

зыкально он произносил ее имя (всегда Вивьен, никогда — Виви), как в ту первую ночь он спросил: «Могу я поцеловать тебя?» и она сказала: «Сейчас?», а он медленно растянул губы в улыбке и сказал: «Предпочел бы сейчас, но готов ждать удобного для тебя момента» — и какая женщина могла бы воспротивиться подобному? Особенно если это девятнадцатилетняя девушка на первом своем Празднике Солнцестояния? Особенно когда обративший к ней эти слова мужчина был высоким и невероятно красивым, к тому же валлийцем?

Это было против всех правил, вот что это было, и она собиралась подать какую-нибудь жалобу в Совет ведьм, как только она...

— Виви! — крикнула Гвин из спальни. — У тебя мерцают свечи.

Упс.

Присев, Виви выдернула пробку из ванны Гвин, надеясь, что часть ее страданий вместе с водой улетучится в канализацию.

Она осторожно переступила через свечи и сняла с крючка на стене халат, одолженный ей Гвин. Затянув на талии черный шелковый пояс, она почувствовала себя немного лучше. Вот почему она предпочла хижину Элейн и Гвин, затерянную в горной чаще над Грейвс-Глен, своей комнате в общежитии колледжа. Здесь, наверху, в этом уютном маленьком краю со свечами и кошками на каждом шагу, в комнатах, пропитанных ароматами древесного дыма и трав, Виви ощущала себя дома.

Может быть, они с Гвин сейчас сделают маски для лица или что-то в этом роде. Пропустят еще стаканчик — или пять. Послушают Тейлор Свифт.

Или, поправила себя Виви, замечая на выходе из ванной, как Гвин создает круг из соли на полу, они займутся... чем-то еще.

— Что делаешь? — спросила она, махнув рукой в сторону ванной. Через секунду оттуда выплыл ее стакан с подпрыгивающей яркой соломинкой, и только ухватив его, Виви направилась в сторону Гвин за очередной порцией напитка.

— Мы проклинаем этого мудака, — с усмешкой ответила Гвин.

— Не был он мудаком, — сказала Виви, пожевывая соломинку и изучая круг. — Поначалу — нет. И, честно говоря, это я порвала с ним, а не наоборот.

Фыркнув, Гвин начала собирать волосы в хвост.

— Тебе пришлось порвать с ним, потому что он оказался мудаком. Он приехал в Грейвс-Глен, соблазнил тебя, в то время как его оставшийся в Уэльсе папочка хлопотал о браке сына с какой-нибудь смазливой ведьмой. И он знал! И даже не удосужился сказать тебе об этом! Нет уж, поступил как мудака — отвечай теперь за свои поступки, так говорим мы все.

— Под «мы все» ты, конечно, подразумеваешь только себя.

— Себя и сэра Мурсиваля, — Гвин указала на крошечного черного котенка, свернувшегося калачиком на ее кровати. Услышав свое имя, он поднял маленькую головку, моргнув Виви яркими зелено-желтыми глазами, прежде чем сделать чуть заметный кивок, словно соглашаясь с хозяйкой.

И Рис был помолвлен. Ну, почти помолвлен. Он не использовал это слово. Он сказал «обручен». Просто вывалил все на нее этим утром, когда они уютно устроились в теплой постели. Поцеловав ее в плечо, он проворкотал, что ему необходимо вернуться домой на неделю или около того, уладить один момент.

Очевидно, имелось в виду «Скажу отцу, чтобы он отменил мою готовящуюся свадьбу с незнакомкой» —

и после этого у него еще хватило наглости удивиться тому, что ее поразила эта новость, так что на самом деле, да, они определенно должны проклясть этого мудака.

— Справедливо, — решила Виви, скрестив руки на груди. — С чего начнем?

— Открой окна, — скомандовала Гвин. Она подошла к своему столу и взяла свечу в стеклянном подсвечнике, которую Виви каким-то образом пропустила, устраивая ванную процедуру.

Виви сделала, как ей было сказано, в комнату ворвался прохладный сентябрьский воздух, напоенный сосновым ароматом. Над вершиной ближайшей горы сияла полная и белая луна, и Виви слегка нетрезво поприветствовала ее взмахом руки, прежде чем высунуть голову из окна и взглянуть на гору Элейн.

Там, наверху, где-то в темноте, находился дом семьи Риса. Дом, в котором он не бывал до этого лета. Теперь он стоял пустой и тихий, потому что Рис уехал.

Уехал.

Обратно в Уэльс, к той жизни, которой он жил там до того, как приехал на летние занятия в Пенхейвенский колледж.

И теперь они закончились.

Опять защипало в глазах, и Виви повернулась к своей кухне.

Гвин сидела прямо у границ круга, в центре которого, мерцая, стояла свеча, и на секунду Виви заколебалась. Ладно, что есть, то есть, Рис разбил ей сердце. Да, он не сказал ей, что отец прямо сейчас подыскивает ему жену. Без обсуждений, без предупреждений, не заботясь о том, как она отнесется ко всему этому. Поступки стопроцентного мудака.

Но проклинать?

И проклинать на нетрезвую голову?

Может быть, это было немного чересчур. И тогда Гвин закрыла глаза, протянула руки и сказала:

— Богиня, мы умоляем тебя о том, чтобы этот мужчина никогда больше не мог проникнуть ни в дверь Виви, ни в ее влагалище.

Виви чуть не подавилась своим напитком, хихикая, даже когда алкоголь обжег ей носовые пазухи, и плюхнулась на противоположную сторону круга от Гвин.

— Богиня, — произнесла Виви, делая еще один глоток, — мы умоляем тебя о том, чтобы он никогда больше не использовал свои ямочки на щеках во зло против ничего не подозревающих девушек.

— Славный парень, — заметила Гвин, прежде чем добавить: — Богиня, мы умоляем тебя сделать так, чтобы его волосы больше никогда так не делали. Ты знаешь, что мы имеем в виду.

— Она точно знает, — кивнула Виви. — Богиня, мы умоляем тебя сделать его мужчиной, который всегда будет искать клитор в добром сантиметре от того места, где он находится на самом деле.

— Дьявольски, Виви. По-настоящему темная магия.

У нее кружилась голова, но сердце уже не казалось таким вдребезги разбитым, Виви улыбнулась и склонилась над кругом, ближе к свече.

— Ты разбил мне сердце, Рис Пенхоллоу, — сказала она, — и мы проклинаем тебя. Тебя и твое дурацкое обаяние.

Пламя свечи внезапно высоко взлетело, напугав Виви так сильно, что она дернулась назад, опрокинув свой напиток, и сэр Мурсиваль зашипел, выгнув спину, со своего места на кровати.

Гвин вскочила на ноги, чтобы поднять его, но прежде чем она успела это сделать, оба окна внезапно хлопнулись с такой силой, что шторы взлетели.

Взвизгнув, Виви подпрыгнула, задев ногой солевой круг и тем нарушив его очертания. Когда она повернулась, чтобы взглянуть на свечу, ей показалось, что пламя поднялось гораздо выше, даже затмило Гвин, прежде чем резко погаснуть.

В наступившем безмолвии было слышно только сэра Мурсиваля, который все еще шипел и фыркал, прижимаясь спиной к подушкам Гвин, и Виви не была уверена, что когда-либо на своей памяти так быстро трезвела.

— Так это все было... странно, — наконец решила она, тем временем Гвин с опаской подошла к окну, чтобы открыть его.

Рамка легко скользнула вверх, где и осталась, так что когда Гвин снова повернулась к Виви, краска начала возвращаться на ее лицо.

— Ты и раньше могла заставить свет мерцать, помнишь? Наверное, просто скачок напряжения. Волшебный.

— А так бывает? — спросила Виви, и Гвин кивнула, может быть, немного слишком быстро.

— Конечно. Я имею в виду... мы просто дурачились. Никаких серьезных ритуалов проклятия. Насколько я помню, свеча вообще из «Bath & Body Works».

Виви изучила этикетку.

— Да, я почти уверена, что «Осенние сады» не состоят в союзе с тьмой.

— Верно, — согласилась Гвин. — Так что да, никакого вреда, ничего плохого, за исключением того, что мы напугали нашего кроху.

Ей удалось заключить сэра Мурсиваля в объятия, и он прижался к ней, хотя, казалось, продолжал смотреть в сторону Виви.

— Наверное, я не знаю своей собственной силы, — сказала Виви, а затем, одновременно с Гвин, произнесла: — Никогда не мешайте водку и колдовство.

— Проклятый, Бывший —

Немного смущенно рассмеявшись, Виви поставила свечу обратно на стол Гвин.

— Чувствуешь себя лучше? — спросила Гвин. — После того, как мы шутивным заклятием выкинули этого типа из твоего сердца?

Потребуется не одна ванна, несколько напитков и немного волшебной глупости, чтобы забыть о Рисе, но Виви кивнула.

— Думаю, да. И ты права, это продолжалось всего три месяца, теперь он вернулся в Уэльс, так что я вряд ли когда-нибудь увижу его снова. Он может вернуться к своей жизни, я к своей. А теперь давай-ка уберем всю эту соль, пока сюда не пришла тетя Элейн и не узнала, что мы пили и колдовали.

Виви отвернулась, и ни она, ни Гвин не увидели, как свеча снова вспыхнула на мгновение, блеснуло пламя, и струйка дыма потянулась обратно к открытому окну и полной луне.

Глава 1

Девять лет спустя

Конечно, шел чертов дождь.

Во-первых, дело было в Уэльсе, так что дождь буквально не расставался с этой территорией, и Рис это понимал. Но еще утром он выезжал из Лондона, где солнце золотило редкие облачка. Великолепное голубое небо, зеленые холмы — в такой день хочется заняться живописью или поупражняться в стихосложении.

Только на въезде в Двениниайд, крошечную деревушку, где на протяжении нескольких столетий жила его семья, эта безмятежность дала течь.

Он был совершенно уверен, что знает причину.

Поморщившись, Рис припарковал арендованную машину недалеко от Хай-стрит. Конечно, у него не было необходимости садиться за руль. Он мог бы использовать Дорожный Камень, оказавшись здесь в мгновение ока, но его настойчивое желание воспользоваться транспортом раздражало отца, и это гре-

ло Рису душу сильнее, чем удобство магического путешествия.

Хотя, подумал он, выходя из машины и хмуро глядя на небо, сегодня он, похоже, отрезал нос назло собственному лицу.

Но что сделано, то сделано, и Рис, приподняв воротник пальто, направился в деревню.

На Хай-стрит было не так уж много зданий — несколько магазинов, церковь в одном конце и паб в другом. Именно в сторону последнего он сейчас и направлялся. В этот день на улице было всего несколько человек, но все они переходили на другую сторону улицы, завидев его.

Приятно видеть, что семейная репутация не сдает позиций.

В конце улицы маняще маячила вывеска «Ворон и Корона», окна паба отбрасывали теплые прямоугольники света в серый день, и, стоило Рису толкнуть входную дверь, на него мигом обрушились любимые запахи — добрый пивной солод, резкий привкус сидра и дубовое тепло старого дерева.

Боже, он действительно скучал по дому.

Может быть, причина на этот раз в его долгом отсутствии. Обычно он старался заглядывать сюда каждые несколько месяцев — чаще, если думал, что не застанет отца. Таким образом, в семейной иерархии лояльности он находился между двумя старшими братьями.

Лвеллин, старший, управлял этим пабом и поддерживал тесные контакты с отцом. Боуэн, средний брат, уехал в горы Сноудонии два года назад, и время от времени они получали от него сообщения, в основном написанные с целью впечатлить домашних сведениями о том, насколько успела вырасти его борода.

Так что Рис в кои-то веки оказался не самым большим семейным разочарованием — титул, который он с гордостью будет нести до тех пор, пока Боуэн не решит взяться за ум.

Однако он никогда не собирался быть любимчиком. Эта роль издавна закрепилась за Уэллсом, и Рис был счастлив уступить ему. Кроме того, было довольно забавно быть белой вороной. Окружающие воспринимали как данность его промахи и приятно удивлялись, если у него получалось не лажать.

Беспроигрышный вариант.

Сняв куртку, Рис подошел к вешалке у двери, прямо под старой рекламой сидра «Стронгбоу», и только тогда краем глаза заметил за стойкой бара мужчину, наблюдающего за ним.

А стоило Рису обернуться, он понял, что мужчина за стойкой — его старший брат Ллевеллин — был единственным человеком в пабе.

Ллевеллин был копией их отца тридцатилетней давности: то же суровое выражение лица, тот же римский нос — если честно, у всех братьев был такой нос, — те же тонкие губы. Только не такой мудака. Тем не менее он в той же мере был привязан к крохотной деревушке, жителям которой внушал страх, и к своему пабу, правда, забрести в последний мог только случайный турист — и, изредка, младший брат.

— Приветтики, Уэллс, — сказал Рис, на что Уэллс только хмыкнул в ответ.

Как всегда.

— А бизнес-то, я погляжу, все процветает.

Рис неторопливо подошел к бару и взял горсть арахиса из стеклянной вазочки.

Уэллс метнул в него мрачный взгляд поверх полированного красного дерева барной стойки, и Рис ухмыльнулся, бросая орешек в рот.